

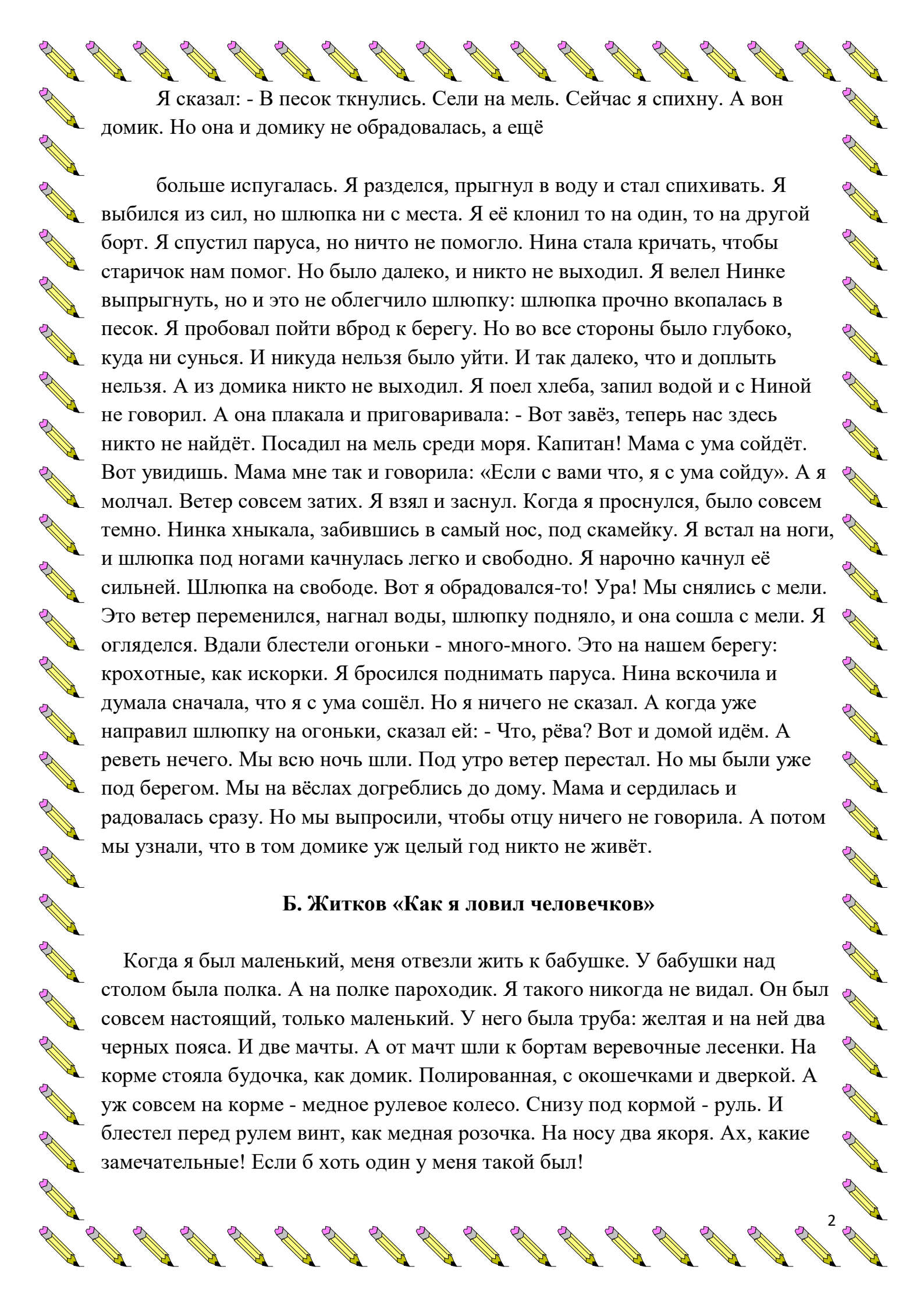

Дополнительная литература

ПРОЗА

Б. Житков «Белый домик»

Мы жили на море, и у моего папы была хорошая лодка с парусами. Я отлично умел на ней ходить - и на вёслах и под парусами. И всё равно одного меня папа никогда в море не пускал. А мне было двенадцать лет. Вот раз мы с сестрой Ниной узнали, что отец на два дня уезжает из дому, и мы затеяли уйти на шлюпке на ту сторону; а на той стороне залива стоял очень хорошенький домик: беленький, с красной крышей. А кругом домика росла рощица. Мы там никогда не были и думали, что там очень хорошо. Наверно, живут добрые старик со старушкой. А Нина говорит, что непременно у них собачка и тоже добрая. А старики, наверное, простоквашу едят и нам обрадуются и простокваша дадут. И вот мы стали копить хлеб и бутылки для воды. В море-то ведь вода солёная, а вдруг в пути пить захочется? Вот отец вечером уехал, а мы сейчас же налили в бутылки воды потихоньку от мамы. А то спросит: зачем? - и тогда всё пропало. Чуть только рассвело, мы с Ниной тихонько вылезли из окошка, взяли с собой наш хлеб и бутылки в шлюпку. Я поставил паруса, и мы вышли в море. Я сидел как капитан, а Нина меня слушалась как матрос. Ветер был лёгонький, и волны были маленькие, и у нас с Ниной выходило, будто мы на большом корабле, у нас есть запасы воды и пищи, и мы идём в другую страну. Я правил прямо на домик с красной крышей. Потом я велел сестре готовить завтрак. Она наломала мелко хлеба и откупорила бутылку с водой. Она всё сидела на дне шлюпки, а тут, как встала, чтобы мне подать, да как глянула назад, на наш берег, она так закричала, что я даже вздрогнул: - Ой, наш дом еле видно! - и хотела реветь. Я сказал: - Рёва, зато старичков домик близко. Она поглядела вперёд и ещё хуже закричала: - И старичков домик далеко: нисколько мы не подъехали. А от нашего дома уехали! Она стала реветь, а я назло стал есть хлеб как ни в чём не бывало. Она редела, а я приговаривал: - Хочешь назад, прыгай за борт и плыви домой, а я иду к старичкам. Потом она попила из бутылки и заснула. А я всё сижу у руля, и ветер не меняется и дует ровно. Шлюпка идёт гладко, и за кормой вода журчит. Солнце уже высоко стояло. И вот я вижу, что мы совсем близко уж подходим к тому берегу и домик хорошо виден. Вот пусть теперь Нинка проснётся да глянет - вот обрадуется! Я глядел, где там собачка. Но ни собачки, ни старичков видно не было. Вдруг шлюпка споткнулась, стала и наклонилась набок. Я скорей опустил парус, чтобы совсем не опрокинуться. Нина вскочила. Спросонья она не знала, где она, и глядела, вытаращив глаза.

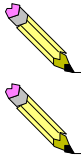

Я сказал: - В песок ткнулись. Сели на мель. Сейчас я спихну. А вон домик. Но она и домику не обрадовалась, а ещё

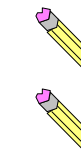

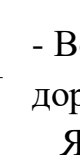
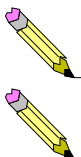
больше испугалась. Я разделся, прыгнул в воду и стал спихивать. Я выбился из сил, но шлюпка ни с места. Я её клонил то на один, то на другой борт. Я спустил паруса, но ничто не помогло. Нина стала кричать, чтобы старичок нам помог. Но было далеко, и никто не выходил. Я велел Нинке выпрыгнуть, но и это не облегчило шлюпку: шлюпка прочно вкопалась в песок. Я пробовал пойти вброд к берегу. Но во все стороны было глубоко, куда ни сунься. И никуда нельзя было уйти. И так далеко, что и доплыть нельзя. А из домика никто не выходил. Я поел хлеба, запил водой и с Ниной не говорил. А она плакала и приговаривала: - Вот завёз, теперь нас здесь никто не найдёт. Посадил на мель среди моря. Капитан! Мама с ума сойдёт. Вот увидишь. Мама мне так и говорила: «Если с вами что, я с ума сойду». А я молчал. Ветер совсем затих. Я взял и заснул. Когда я проснулся, было совсем темно. Нинка хныкала, забившись в самый нос, под скамейку. Я встал на ноги, и шлюпка под ногами качнулась легко и свободно. Я нарочно качнул её сильнее. Шлюпка на свободе. Вот я обрадовался-то! Ура! Мы снялись с мели. Это ветер переменялся, нагнал воды, шлюпку подняло, и она сошла с мели. Я огляделся. Вдали блестели огоньки - много-много. Это на нашем берегу: крохотные, как искорки. Я бросился поднимать паруса. Нина вскочила и думала сначала, что я с ума сошёл. Но я ничего не сказал. А когда уже направил шлюпку на огоньки, сказал ей: - Что, рёва? Вот и домой идём. А реветь нечего. Мы всю ночь шли. Под утро ветер перестал. Но мы были уже под берегом. Мы на вёслах догреблись до дому. Мама и сердилась и радовалась сразу. Но мы выпросили, чтобы отцу ничего не говорила. А потом мы узнали, что в том домике уж целый год никто не живёт.

Б. Житков «Как я ловил человечков»

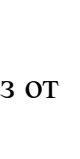
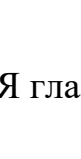
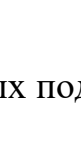
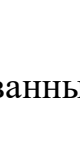
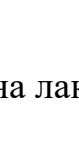
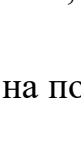

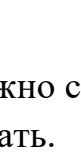
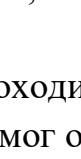
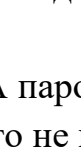
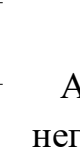
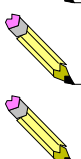
Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке пароходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: желтая и на ней два черных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам веревочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме - медное рулевое колесо. Снизу под кормой - руль. И блестел перед рулем винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

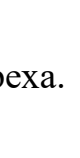
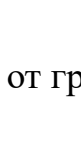
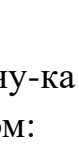
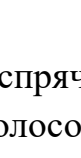
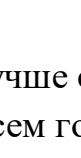
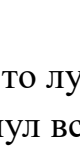
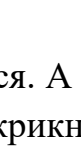
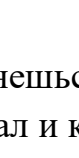

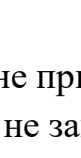
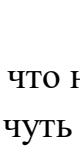
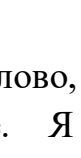
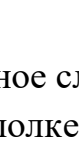

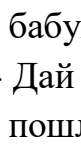
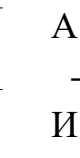
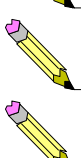
Я сразу же спросил у бабушки, чтоб поиграть в пароходиком. Бабушка мне все позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

- Вот это уж не проси. Не то играть - трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, - не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

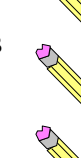
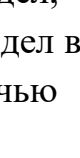
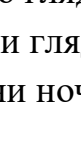
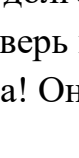
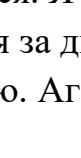
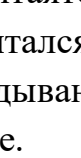
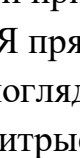
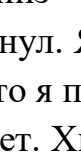
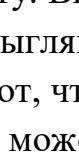
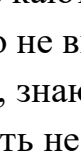
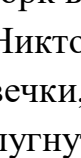
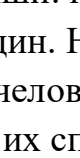
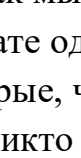
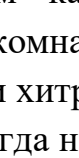
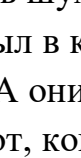
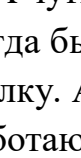
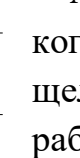

А бабушка:

- Дай честное слово, что не прикоснешься. А то лучше спрячу-ка от греха.

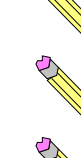
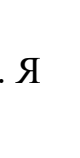
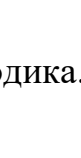

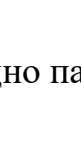
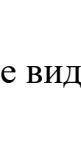
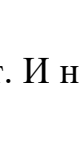
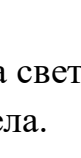
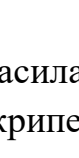
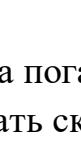
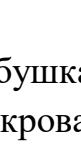
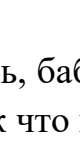
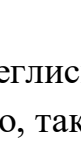
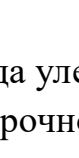
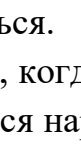

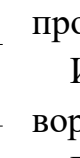

И пошла к полке. Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

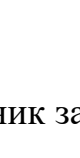

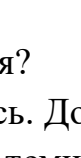
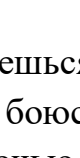
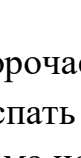
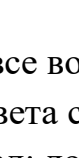
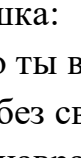
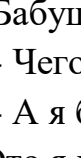
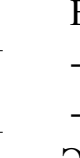

- Честное-расчестное, бабушка! - И схватил бабушку за юбку.

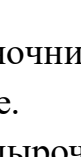
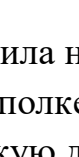
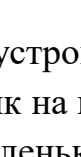
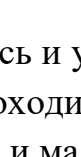
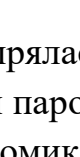
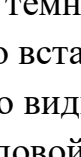
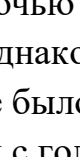
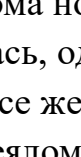
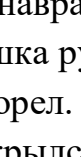

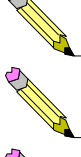
Бабушка не убрала пароходика.

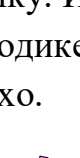
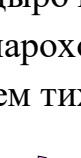
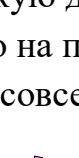
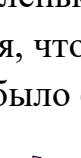
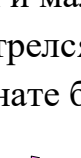
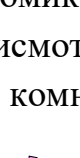
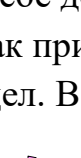
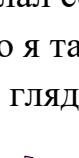
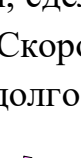
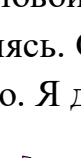
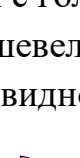
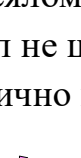
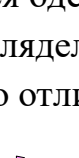
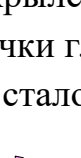
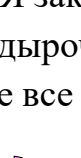
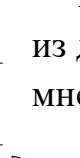
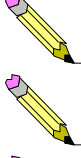
Я все смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтобы лучше видеть. И все больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нем живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум - как мыши: юрк в каюту. Вниз - и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я прятался за дверь и глядел в щелку. А они хитрые, человечки, знают, что я поглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

- Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

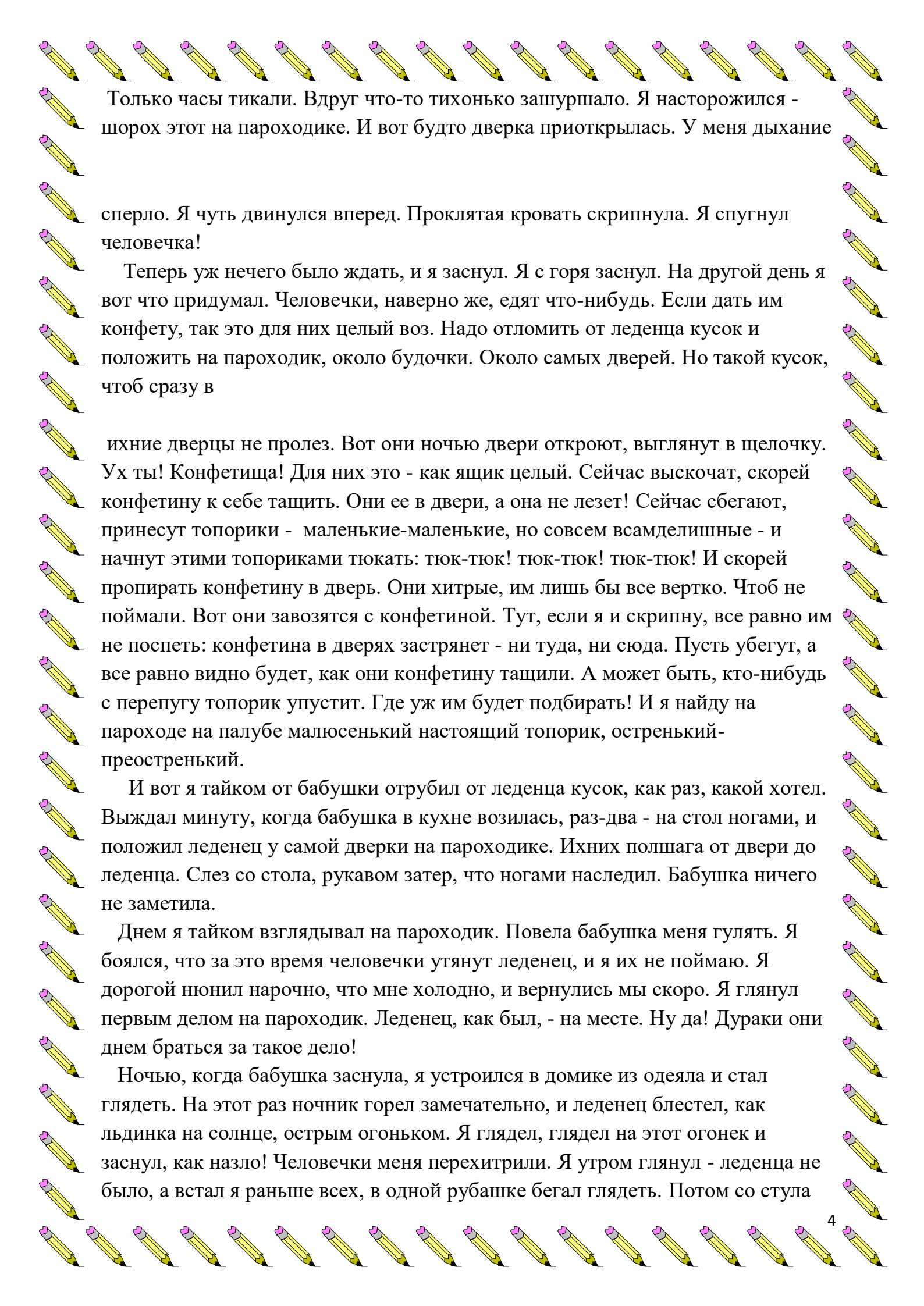
- Чего ты все ворочаешься?

- А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но все же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне все стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо.

Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился - шорох этот на парходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание

сперло. Я чуть двинулся вперед. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

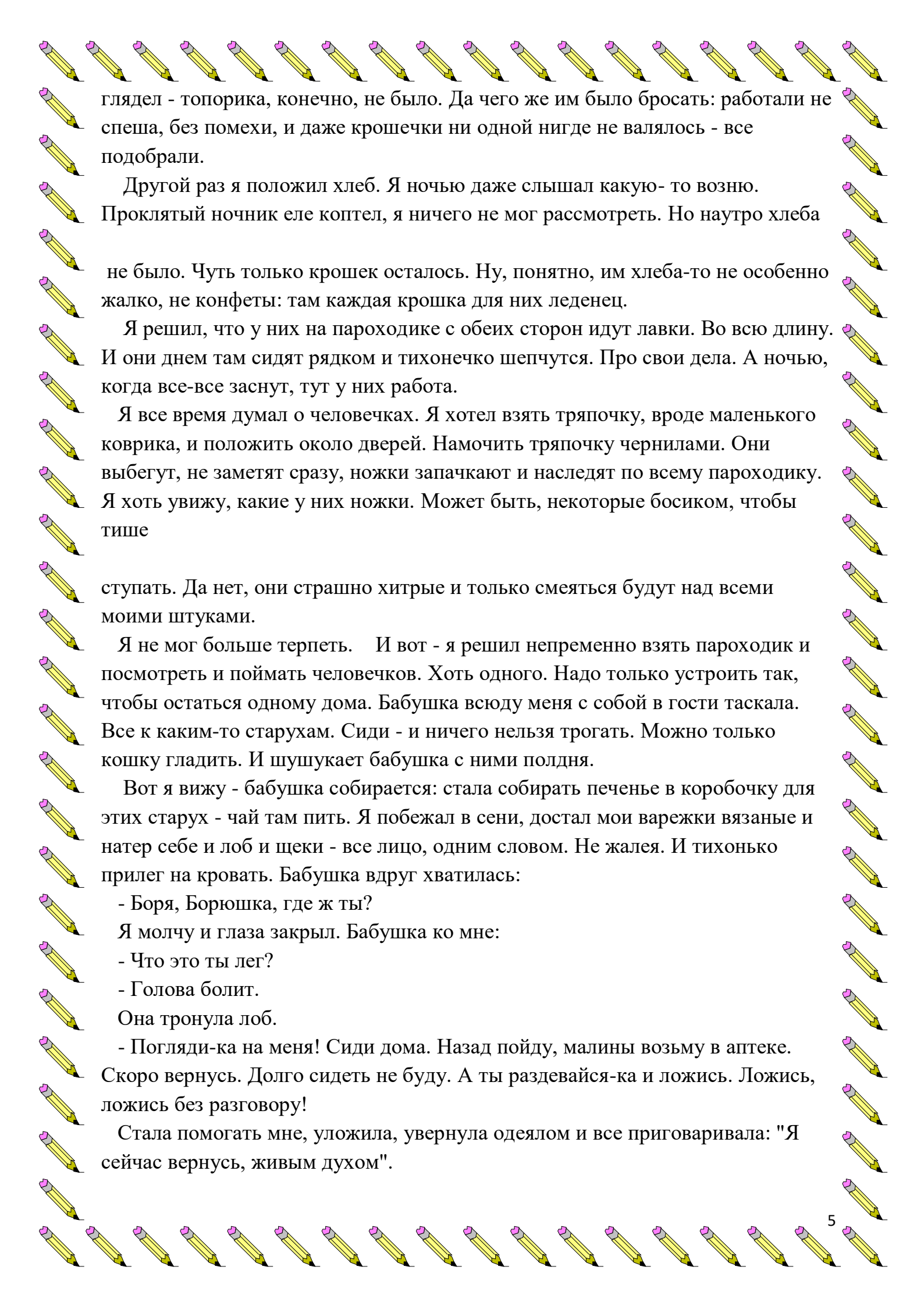
Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул. На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на парходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в

ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щелочку. Ух ты! Конфетища! Для них это - как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они ее в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики - маленькие-маленькие, но совсем всамделишные - и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы все вертко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, все равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет - ни туда, ни сюда. Пусть убегут, а все равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на парходе на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз, какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два - на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на парходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затер, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днем я тайком взглядывал на парходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец, и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на парходик. Леденец, как был, - на месте. Ну да! Дураки они днем браться за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонек и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул - леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула

глядел - топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось - все подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба

не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них на парходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днем там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я все время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему парходоиду. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише

ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть. И вот - я решил непременно взять парходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Все к каким-то старухам. Сиди - и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу - бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух - чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натер себе и лоб и щеки - все лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилег на кровать. Бабушка вдруг хватилась:

- Боря, Боряшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

- Что это ты лег?

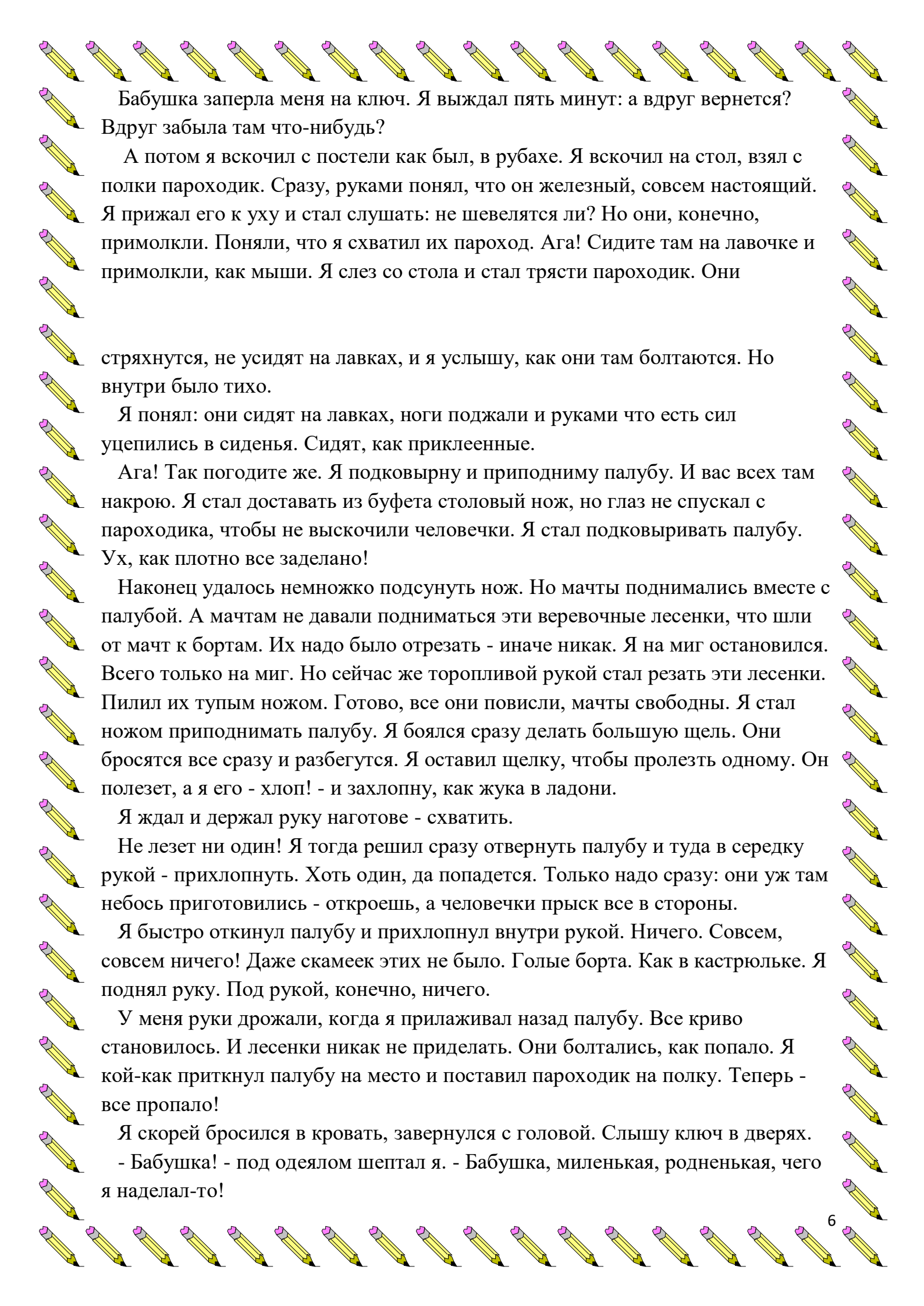
- Голова болит.

Она тронула лоб.

- Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке.

Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору!

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и все приговаривала: "Я сейчас вернусь, живым духом".

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернется?
Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки парходик. Сразу, руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их парход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти парходик. Они

стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются. Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят, как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с парходика, чтобы не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно все заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти веревочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать - иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щелку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его - хлоп! - и захлопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове - схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в середку рукой - прихлопнуть. Хоть один, да попадется. Только надо сразу: они уж там небось приготовились - откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. Под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Все криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались, как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил парходик на полку. Теперь - все пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой. Слышу ключ в дверях.
- Бабушка! - под одеялом шептал я. - Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

- Да чего ты реवेशь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка!

Видишь, как я скоро?

Она еще не видала парходика.

Г. Снегирев «Пингвиний пляж»

Около Антарктиды со стороны Африки есть маленький островок. Он скалистый, покрыт льдами. И вокруг в холодном океане плавают льдины. Всюду крутые скалы, только в одном месте берег низкий — это пингвиний пляж. С корабля мы выгрузили свои вещи на этот пляж.

Пингвины вылезли из воды, столпились у ящиков. Бегают по мешкам, клюют их и громко кричат, переговариваются: никогда они не видели таких удивительных вещей!

Один пингвин клюнул мешок, голову склонил набок, постоял, подумал и громко что-то сказал другому пингвину. Другой пингвин тоже клюнул мешок; вместе постояли, подумали, поглядели друг на друга и громко закричали: «Карр!.. Каррр!..»

Тут ещё пингвины с гор прибежали на нас смотреть. Много их собралось; задние на передних напегают и кричат, как на базаре. Ещё бы: ведь они первый раз увидели людей, и каждому хочется вперёд пролезть, посмотреть на нас, клюнуть мешок.

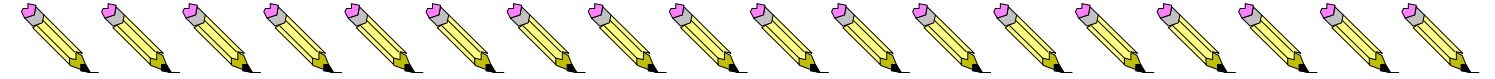
Вдруг слышу, сзади кто-то танцует.

У нас был большой лист фанеры. Он лежал на камнях, и пингвины на нём устроили танцы. Пробежит пингвин по фанере, назад вернётся, ещё раз пробежит, да ещё лапкой притопнет!

Очередь выстроилась - всем хочется потанцевать.

Один пингвин поскользнулся на гладкой фанере и на брюхе проехал, другие тоже стали падать и кататься.

Весь день они танцевали на фанере. Я её не убирал. «Пускай,- думаю,- повеселятся; они, наверное, радуются, что мы приехали».

Вечером пингвины построились в одну шеренгу и ушли. Один пингвин на меня загляделся и отстал. Потом он догнал остальных пингвинов, но никак не мог идти в ногу, потому что всё на меня оглядывался.

Г. Снегирев «К морю»

Пингвины с утра идут к морю. Перебираются через ущелья. По ровному месту идут гуськом. С гор катятся на брюхе. Первый пингвин ляжет на живот - и вниз, за ним второй, третий - и покатались...

Внизу отряхнутся, выстроятся в цепочку и снова в путь. Молча идут они, все в ногу, серьёзные.

Придут пингвины на крутой берег, посмотрят вниз и загалдят: высоко, страшно! Задние на передних напегают, ругаются: надо прыгать!

Первый пингвин растопырит крылышки – и вниз головой.

И прыгают с кручи один за другим, по очереди. Вынырнут из воды, наберут воздуха – опять под воду. Нырнут, поймают рачка, опять вверх – глотнуть воздуха. В воде они тоже цепочкой плавают, кувыркаются, играют.

Г. Снегирев «Отважный пингвиненок»

Однажды я спускался к морю и увидел маленького пингвинёнка. У него ещё только выросли три пушинки на голове и коротенький хвостик.

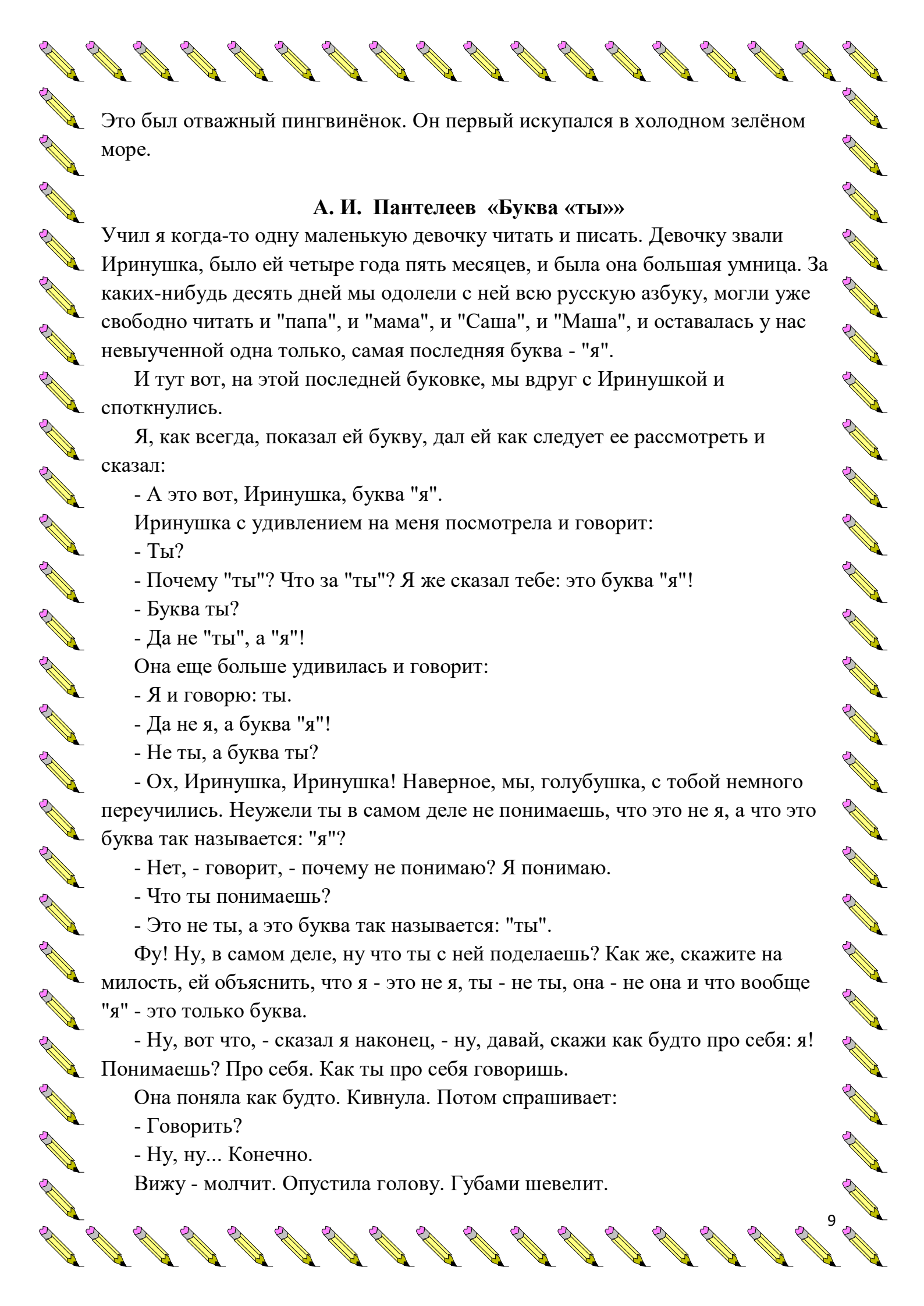
Он смотрел, как взрослые пингвины купаются. Остальные птенцы стояли у нагретых солнцем камней.

Долго стоял на скале пингвинёнок: страшно ему было бросаться в море.

Наконец он решился и подошёл к краю скалы.

Маленький голый пингвинёнок стоял на высоте трёхэтажного дома. Его сносил ветер.

От страха пингвинёнок закрыл глаза и бросился вниз. Вынырнул, закружился на одном месте, быстро вскарабкался на камни и удивлённо посмотрел на море.

Это был отважный пингвинёнок. Он первый искупался в холодном зелёном море.

А. И. Пантелеев «Буква «ты»»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и "папа", и "мама", и "Саша", и "Маша", и оставалась у нас невыученной одна только, самая последняя буква - "я".

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует ее рассмотреть и сказал:

- А это вот, Иринушка, буква "я".

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

- Ты?

- Почему "ты"? Что за "ты"? Я же сказал тебе: это буква "я"!

- Буква ты?

- Да не "ты", а "я"!

Она еще больше удивилась и говорит:

- Я и говорю: ты.

- Да не я, а буква "я"!

- Не ты, а буква ты?

- Ох, Иринушка, Иринушка! Наверное, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: "я"?

- Нет, - говорит, - почему не понимаю? Я понимаю.

- Что ты понимаешь?

- Это не ты, а это буква так называется: "ты".

Фу! Ну, в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я - это не я, ты - не ты, она - не она и что вообще "я" - это только буква.

- Ну, вот что, - сказал я наконец, - ну, давай, скажи как будто про себя: я! Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

- Говорить?

- Ну, ну... Конечно.

Вижу - молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

- Ну, что же ты?

- Я сказала.

- А я не слышал, что ты сказала.

- Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

- Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шепотом - на ухо мне:

- Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забежал по комнате.

Внутри у меня уже все кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварем, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая. Но и мне тоже было стыдно, что я - большой человек - не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква "я".

Наконец я придумал все-таки. Я быстро подошел к девочке, ткнул ее пальцем в нос и спрашиваю:

- Это кто?

Она говорит:

- Это я.

- Ну вот... Понимаешь? А это буква "я"!

Она говорит:

- Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат и носик сморщился - вот-вот заплачет.

- Что же ты, - я спрашиваю, - понимаешь?

- Понимаю, - говорит, - что это я.

- Правильно! Молодец! А это вот буква "я". Ясно?

- Ясно, - говорит. - Это буква ты.

- Да не ты, а я!

- Не я, а ты.

- Не я, а буква "я"!

- Не ты, а буква "ты".

- Не буква "ты", господи боже мой, а буква "я"!

- Не буква "я", господи боже мой, а буква "ты"!

Я опять вскочил и опять забежал по комнате.

- Нет такой буквы! - закричал я. - Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква "я". Понимаешь? Я! Буква "я"! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

- Ты, ты, ты, - пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев

сразу остыл. Мне стало жалко ее.

- Хорошо, - сказал я. - Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня - хватит.

Она кое-как запихала в сумочку свое барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнем через эту проклятую букву "я"?

"Ладно, - решил я. - Забудем о ней. Ну ее. Начнем следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет".

И на другой день, когда Иринушка, веселая и покрасневшая после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил ее за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

- А ну, сударыня, давайте-ка, почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поерзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло и не переводя дыхания, прочла:

- Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

- Что такое? Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что еще за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там черным по белому написано:

"Якову дали яблоко".

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

- Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

- Яблоко? Так значит, это буква "я"?

Я уже хотел сказать: "Ну конечно, "я"! А потом спохватился и думаю: "Нет, голубушка! Знаем мы вас. Если я скажу "я" - значит - опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадемся".

И я сказал:

- Да, правильно. Это буква "ты".

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь! Если бы я сказал "я", а не "ты", кто знает, чем бы все это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы - вместо "яблоко" - тыблоко, вместо "ярмарка" тырмарка, вместо "якорь" - тыкорь и вместо "язык" - тызык. А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

М. Москвина «Кроха»

Недавно моим соседям Сереже и Митьке папа привез из пустыни Каракумы черепашонка. Я таких маленьких черепах еще никогда не видела. Он на Митькиной ладошке целиком помещался. Панцирь у него был мягкий, коготки на запятые похожи, нос приплюснутый, голова, лапы, хвост в чешуйках, глаза черные, как у нашего пса Джека.

Джек очень удивился, когда ему черепашонка показали. Понюхает-понюхает - и на нас смотрит: мол, это еще кто такой?

Черепашонок сначала струсил и спрятался в панцирь - одни коготки торчали. Джек ему, наверное, показался чудовищем. Потом расхрабрился и пошел вперевалочку на Джека.

Джек отскочил и залез под кровать.

- Вот это кроха! - сказал Сережа. Так и назвали черепашонка - Кроха.

Ел Кроха все подряд: капусту, петрушку, сушеный клевер, укроп, морковь, яблоки. Поест - и бродит по квартире, пока нос не становится пушистым от налипших пылинок.

- Очень вредно, когда нос в пыли! - заявил Митька и построил Крохе из кубиков дом.

Там было много входов и выходов. Крохе это нравилось. Еще ему нравилось, когда Митька играл на пианино «Собачий вальс». Но больше всего Кроха любил ездить в открытом товарном вагоне на поезде по игрушечной железной дороге. Встанет на задние лапы, а передними на бортик опирается...

- Ту-ду-ду-у! - кричит Митька. - Чух-чух-чух! Поезд отправляется!

Едет поезд мимо игрушечных домов и бумажных деревьев. Кроха шею вытянет и вертит во все стороны головой, как турист.

Прошла зима. И вдруг с Крохой что-то случилось. Даем ему есть - не ест. Молока наливаем - отворачивается. Забьется в угол, голову втянет, но не спит - все думает о чем-то с - открытыми глазами.

- Заболел, - решили мы с Сережей. Митька положил черепашонка в варежку, и мы понесли его в ветеринарную лечебницу. Там была очередь - собака, кошка, завернутый в платок попугай, серый кролик с забинтованной лапой, из муфты выглядывала морская свинка.

Все были хмурые и сидели тихо.

Когда мы вошли в кабинет, доктор вынул из варежки Кроху и поднес его к большой яркой лампе.

Кроха даже не зажмурился.

- Значит, говорите, похудел? Не ест, не играет, не слушает музыку... - Доктор долго и внимательно смотрел на Кроху. - Ну что ж, все ясно. Это ностальгия.

- Что? - спросили мы хором.

- Нос-таль-гия! - повторил доктор и выключил лампу. - Что в переводе означает «тоска по родине». Откуда привезли черепаху?

- Из пустыни.

- Из Каракумов.

- Значит, скучает по пустыне.

- А когда он перестанет скучать? - спросил Митька.

- Чего не знаю, того не знаю, - развел руками доктор.

- А вы дайте ему какое-нибудь лекарство! - не сдавался Митька.

- От этой болезни лекарств нет, - сказал доктор. - И я ничем не могу вам помочь...

С огромных сосуллек весело капала вода. Некоторые люди уже ходили без шапок. Начинался апрель! А мы шли и не знали, что делать.

- Мальчишки, - сказала я. - Вы, конечно, как хотите, но раз Крохе нужно домой...

- ... то давайте отправим Кроху в Каракумы! - закончил Сережа.

- А Каракумы - это где? - спросил Митька, прижимая к себе варежку.

- Далековато, - сказал Сережа. - Там, где Туркмения и Ашхабад. Только кто его туда повезет? Папа летом на Дальний Восток собирается.

- Но кому-то же надо сейчас в Ашхабад! - сказала я.

- Точно! - сказал Сережа. - Поехали на вокзал!

- На аэровокзал! Самолетом быстрее!

У окошка рейса Москва - Ашхабад толпились пассажиры. Митька выбрал одного из них - серьезного, усатого, чем-то похожего на их папу.

- Дядя! - позвал его Сережа.

- Вы меня? - удивился усатый.

- Вас! - сказали мы вместе. Усатый подошел.

- Вот у нас тут в варежке черепашонок Кроха, - сказал Сережа. - Возьмите его

с собой.

- Зачем? - не понял усатый. - Я в Каракумы, там этих черепах полно!

- Понимаете, у него... ностальгия. Ему как раз тоже в Каракумы надо.

- Ну что ж, - покачал головой усатый, - надо так надо.

Он записал Сережин адрес. И Митька отдал ему варежку. Потом мы видели, как он прошел в стеклянные двери, сел в автобус и уехал.

А через три дня пришла телеграмма:

«КАРАКУМАХ ЦВЕТУТ ТЮЛЬПАНЫ

САМОЧУВСТВИЕ ХОРОШЕЕ

НЕ СКУЧАЙТЕ

ВАШ КРОХА».

ПОЭЗИЯ

Я. Аким «Жадина»

Кто держит

Конфету свою

В кулаке.

Чтоб съесть её

Тайно от всех

В уголке.

Кто, выйдя во двор,

Никому из соседей

Не даст

Прокатиться

На ве-

ло-

си-

педе,

Кто мелом,

Резинкой,

Любою безделицей

В классе

Ни с кем

Ни за что

Не поделится -

Имя тому

Подходящее дадено,

Даже не имя,

А прозвище:

ЖАДИНА!

Жадину

Я ни о чём

Не прошу.

В гости я

Жадину

Не приглашу.

Не выйдет из жадины

Друга хорошего,

Даже приятелем

Не назовёшь его.

Поэтому -

Честно, ребята, скажу -

С жадными

Я никогда

Не дружу!

Ю. Мориц «Домик с трубой»

Помню я, в детстве

Над нашей избой

В небо струился

Дымок голубой,

Чурки пылали

За дверцей в печи

И раскаляли огнём

Кирпичи,

Чтобы держался

Наш домик в тепле,

Пшённая каша
Томилаась в котле!

И, напевая,
Летел в дымоход
Дым, согревая
Зимой небосвод.

Очень мне нравился
Фокусник-дым,
Он развлекал меня
Видом своим,

Он превращался
В дракона, в коня,
Он заставлял
Волноваться меня!

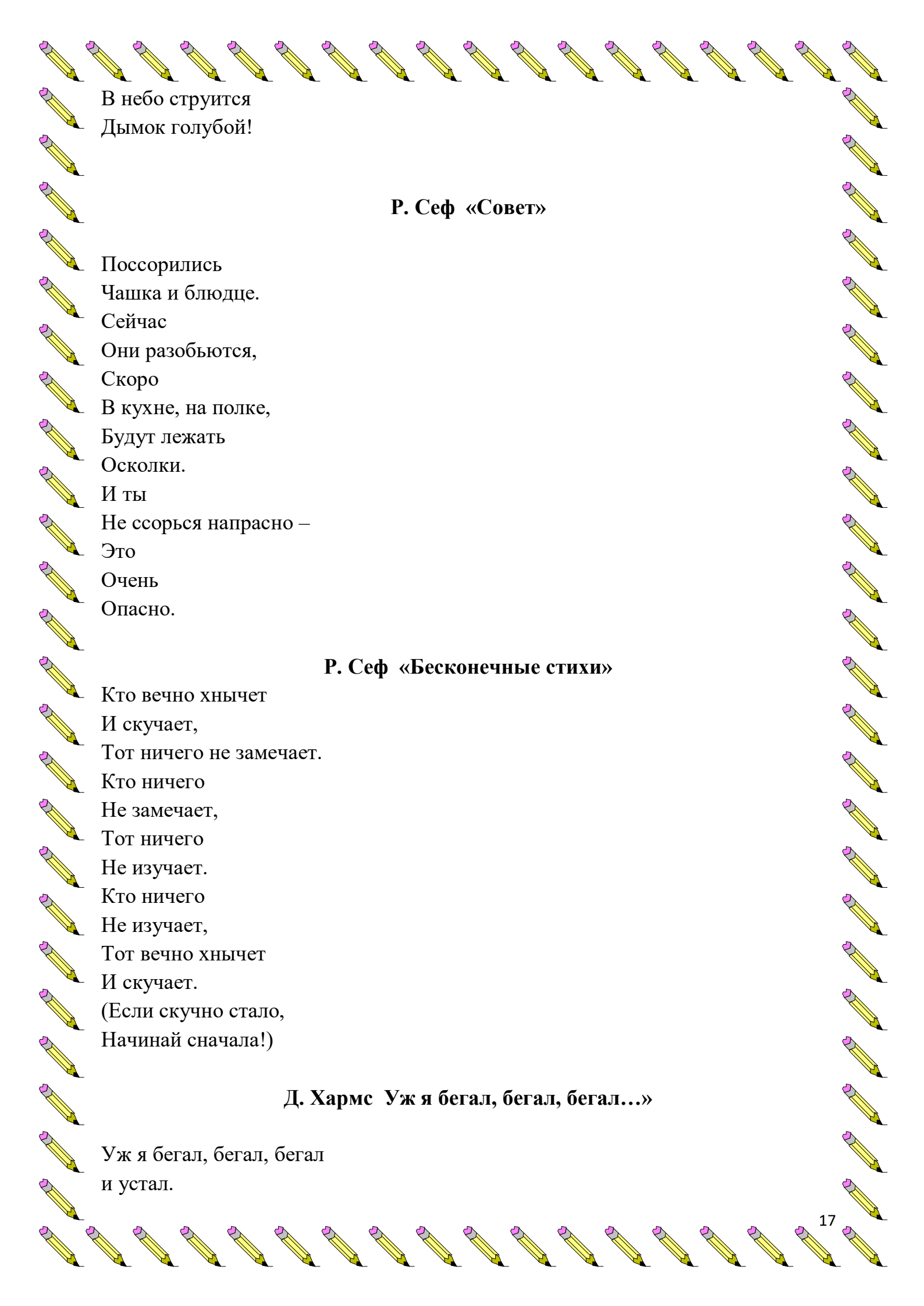
Мог он построить
Над нашей трубой
Царство любое
И город любой,

Всякое чудище
Мог победить,
Чтоб не повадилось
Людям вредить!

Жалко, что этот
Дымок голубой
В сказку отправился
Вместе с трубой!

Чтобы теперь
У него побывать,
Надо картинку
Нарисовать:

Домик с трубой,
Домик с трубой,

В небо струится
Дымок голубой!

Р. Сеф «Совет»

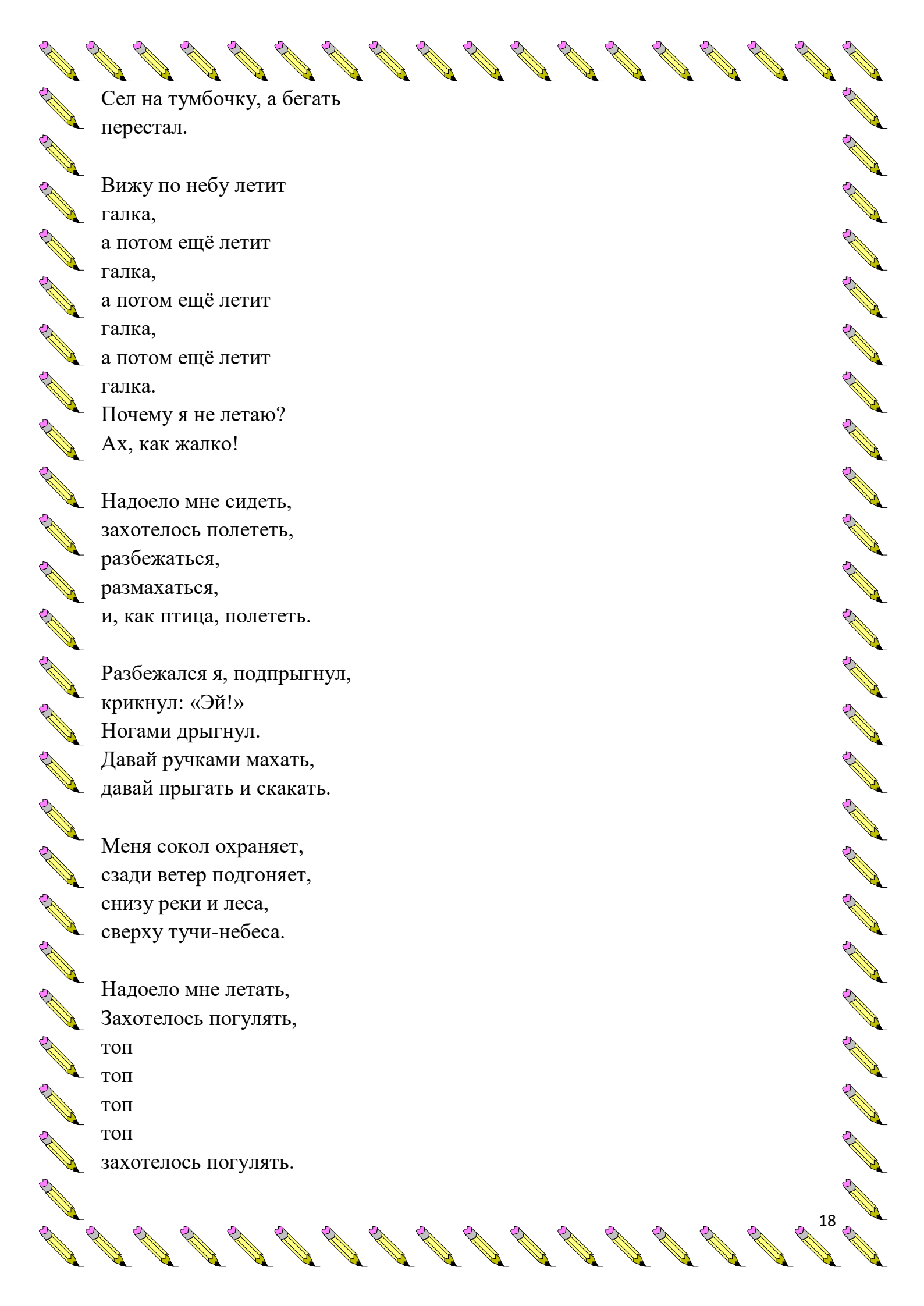
Поссорились
Чашка и блюдце.
Сейчас
Они разобьются,
Скоро
В кухне, на полке,
Будут лежать
Осколки.
И ты
Не ссорься напрасно –
Это
Очень
Опасно.

Р. Сеф «Бесконечные стихи»

Кто вечно хнычет
И скучает,
Тот ничего не замечает.
Кто ничего
Не замечает,
Тот ничего
Не изучает.
Кто ничего
Не изучает,
Тот вечно хнычет
И скучает.
(Если скучно стало,
Начинай сначала!)

Д. Хармс Уж я бегал, бегал, бегал...»

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.

Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

Вижу по небу летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка.

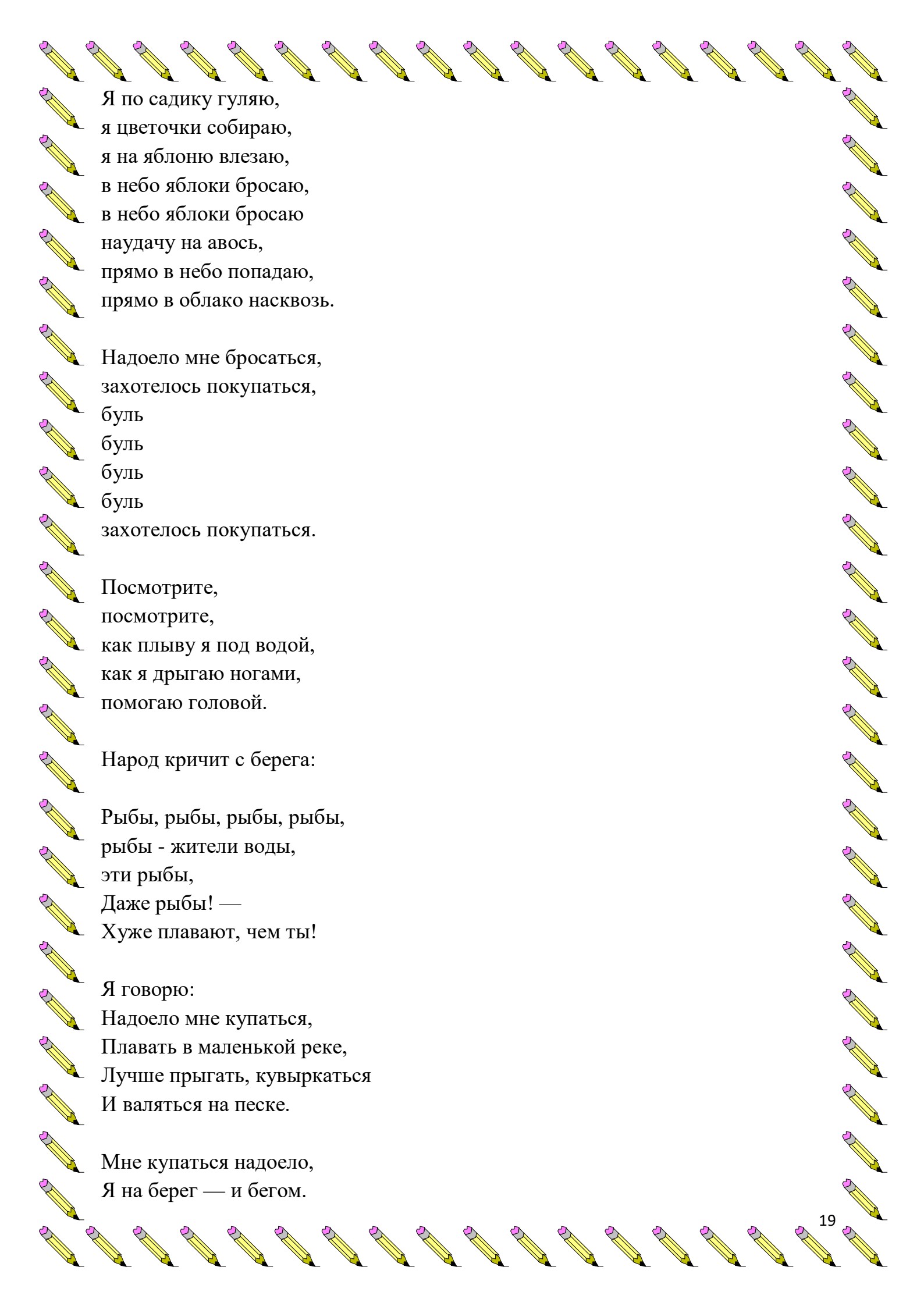
Почему я не летаю?
Ах, как жалко!

Надоело мне сидеть,
захотелось полететь,
разбежаться,
размахаться,
и, как птица, полететь.

Разбежался я, подпрыгнул,
крикнул: «Эй!»
Ногами дрыгнул.
Давай ручками махать,
давай прыгать и скакать.

Меня сокол охраняет,
сзади ветер подгоняет,
снизу реки и леса,
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать,
Захотелось погулять,
топ
топ
топ
топ
захотелось погулять.

Я по садику гуляю,
я цветочки собираю,
я на яблоню влезаю,
в небо яблоки бросаю,
в небо яблоки бросаю
наудачу на авось,
прямо в небо попадаю,
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться,
захотелось покупаться,
буль
буль
буль
буль
захотелось покупаться.

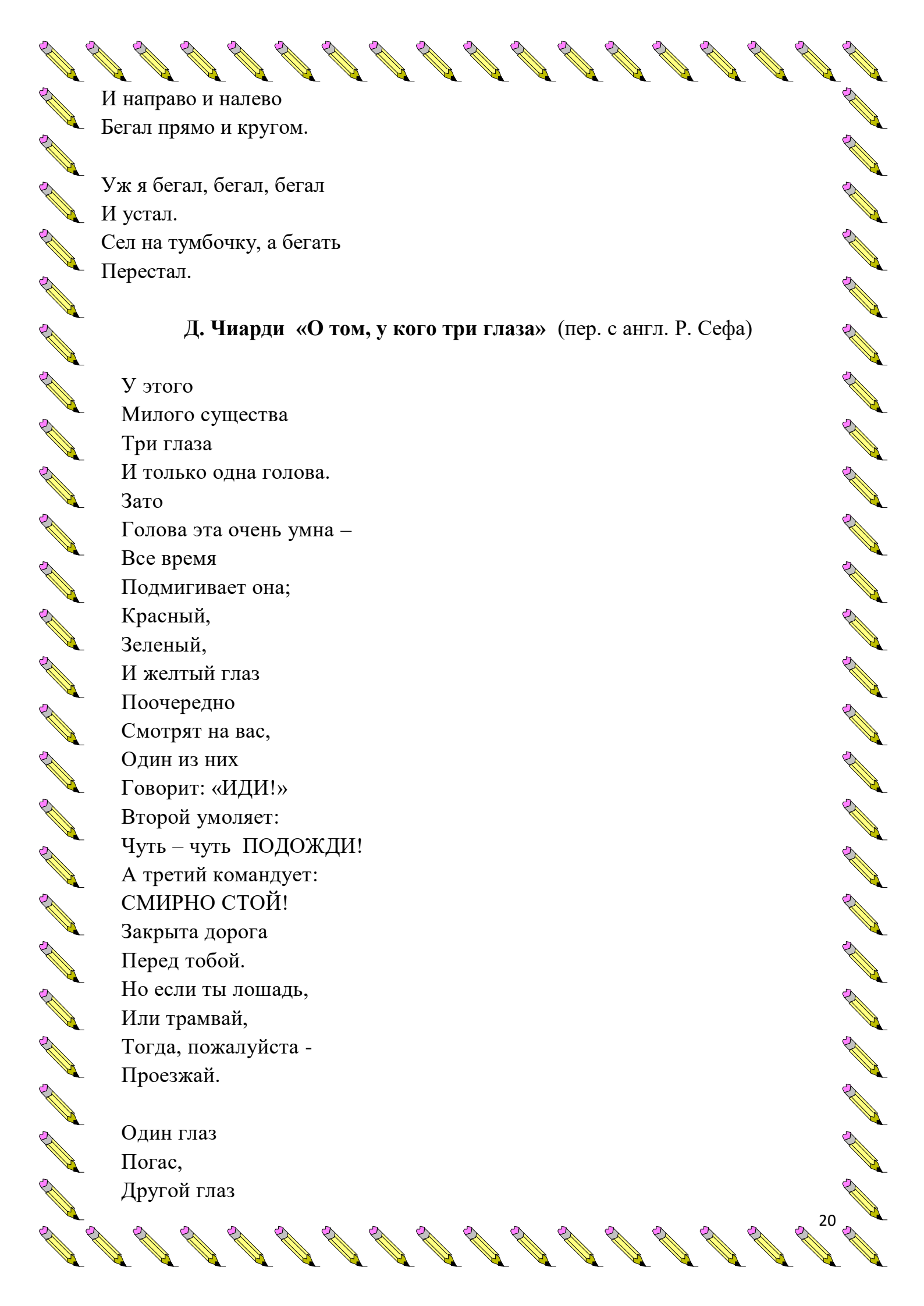
Посмотрите,
посмотрите,
как плыву я под водой,
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:

Рыбы, рыбы, рыбы, рыбы,
рыбы - жители воды,
эти рыбы,
Даже рыбы! —
Хуже плавают, чем ты!

Я говорю:
Надоело мне купаться,
Плывать в маленькой реке,
Лучше прыгать, кувыркаться
И валяться на песке.

Мне купаться надоело,
Я на берег — и бегом.

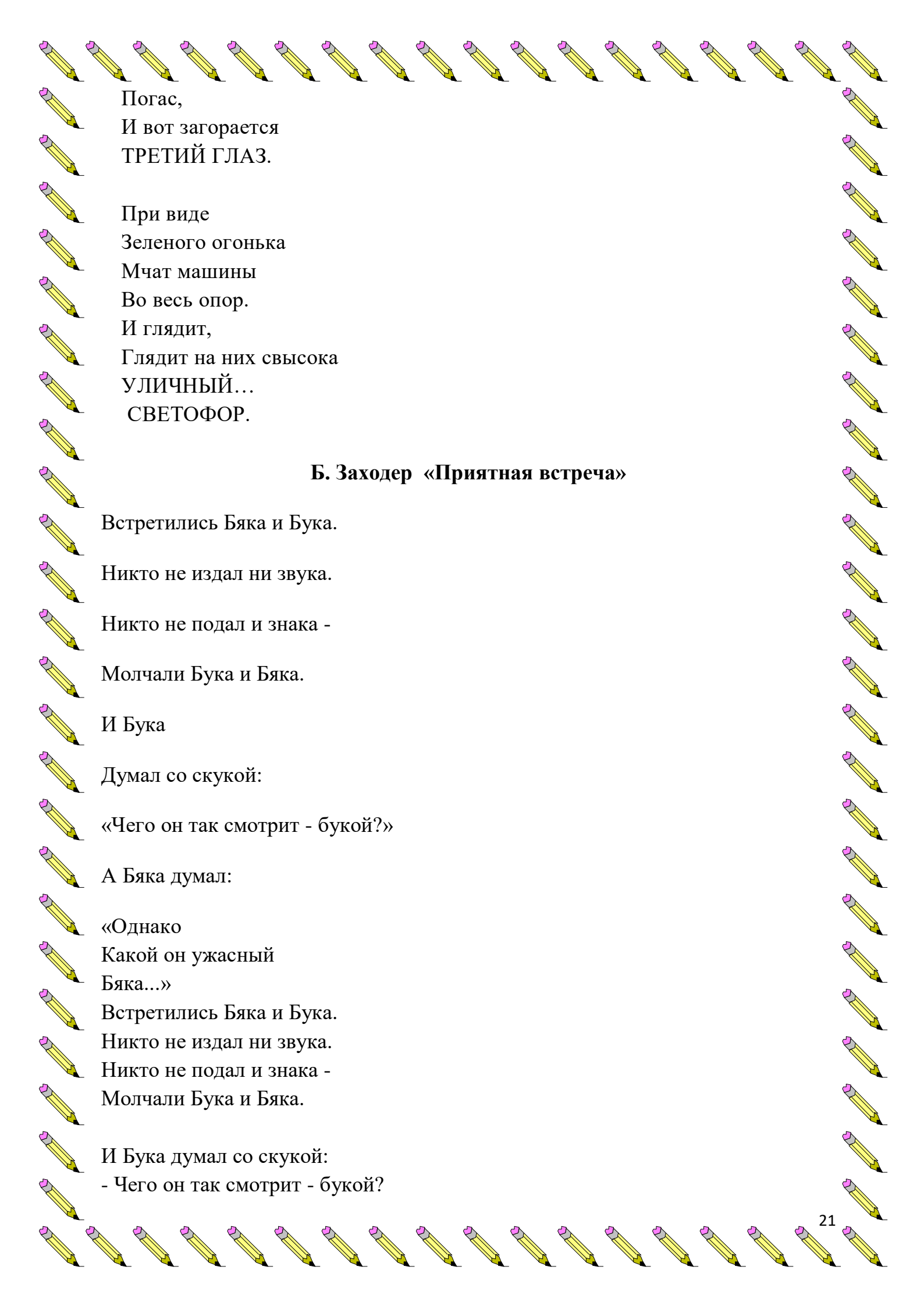
И направо и налево
Бегал прямо и кругом.

Уж я бегал, бегал, бегал
И устал.
Сел на тумбочку, а бегать
Перестал.

Д. Чиарди «О том, у кого три глаза» (пер. с англ. Р. Сефа)

У этого
Милого существа
Три глаза
И только одна голова.
Зато
Голова эта очень умна –
Все время
Подмигивает она;
Красный,
Зеленый,
И желтый глаз
Поочередно
Смотрят на вас,
Один из них
Говорит: «ИДИ!»
Второй умоляет:
Чуть – чуть ПОДОЖДИ!
А третий командует:
СМИРНО СТОЙ!
Закрыта дорога
Перед тобой.
Но если ты лошадь,
Или трамвай,
Тогда, пожалуйста -
Проезжай.

Один глаз
Погас,
Другой глаз

Погас,
И вот загорается
ТРЕТИЙ ГЛАЗ.

При виде
Зеленого огонька
Мчат машины
Во весь опор.
И глядит,
Глядит на них свысока
УЛИЧНЫЙ...
СВЕТОФОР.

Б. Заходер «Приятная встреча»

Встретились Бяка и Бука.

Никто не издал ни звука.

Никто не подал и знака -

Молчали Бука и Бяка.

И Бука

Думал со скукой:

«Чего он так смотрит - букой?»

А Бяка думал:

«Однако
Какой он ужасный
Бяка...»

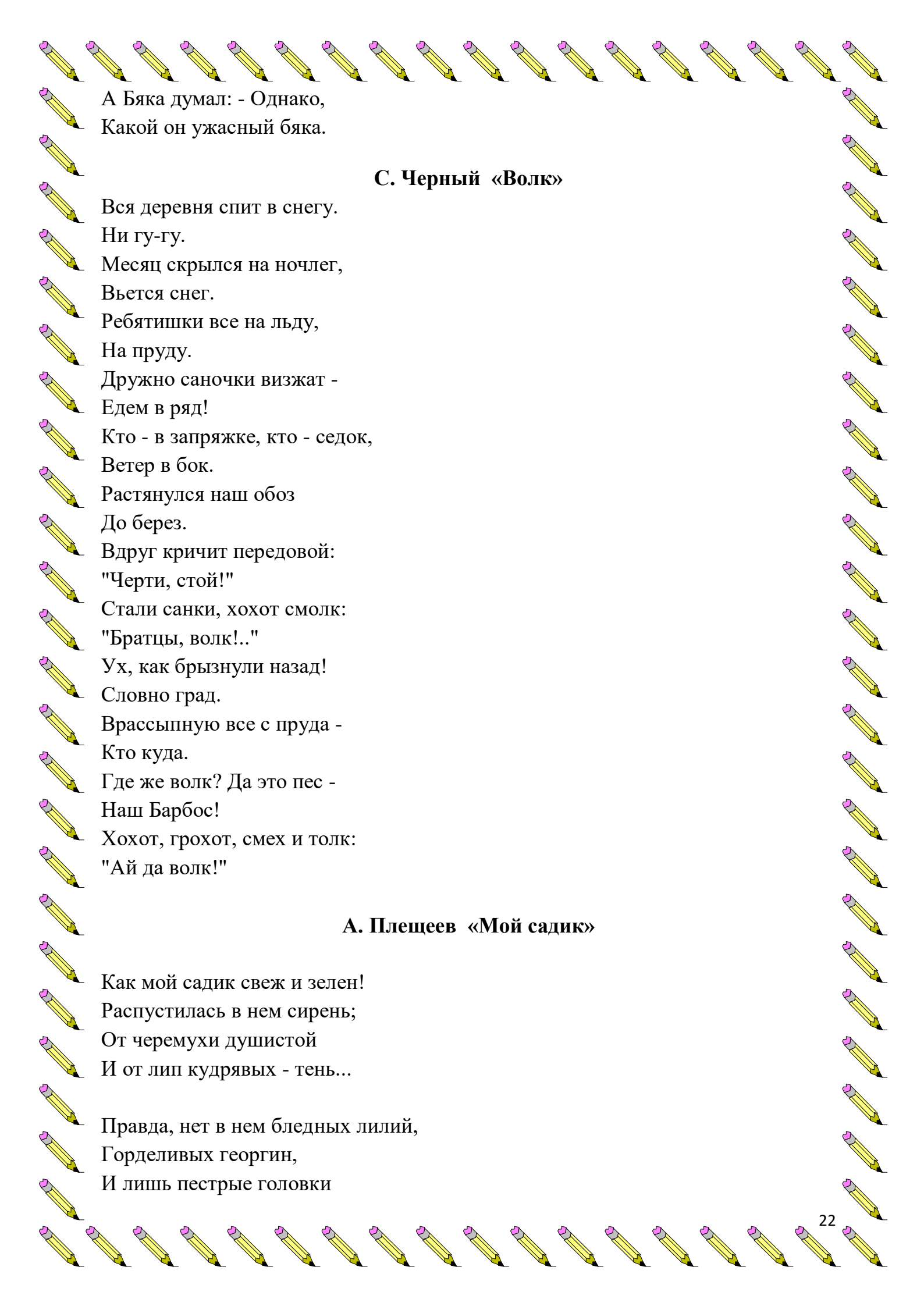
Встретились Бяка и Бука.

Никто не издал ни звука.

Никто не подал и знака -

Молчали Бука и Бяка.

И Бука думал со скукой:
- Чего он так смотрит - букой?

А Бяка думал: - Однако,
Какой он ужасный бяка.

С. Черный «Волк»

Вся деревня спит в снегу.

Ни гу-гу.

Месяц скрылся на ночлег,

Вьется снег.

Ребятишки все на льду,

На пруду.

Дружно саночки визжат -

Едем в ряд!

Кто - в запряжке, кто - седок,

Ветер в бок.

Растянулся наш обоз

До берез.

Вдруг кричит передовой:

"Черти, стой!"

Стали санки, хохот смолк:

"Братцы, волк!.."

Ух, как брызнули назад!

Словно град.

Врассыпную все с пруда -

Кто куда.

Где же волк? Да это пес -

Наш Барбос!

Хохот, грохот, смех и толк:

"Ай да волк!"

А. Плещеев «Мой садик»

Как мой садик свеж и зелен!

Распустилась в нем сирень;

От черемухи душистой

И от лип кудрявых - тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,

Горделивых георгин,

И лишь пестрые головки

Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых
С сетью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат.

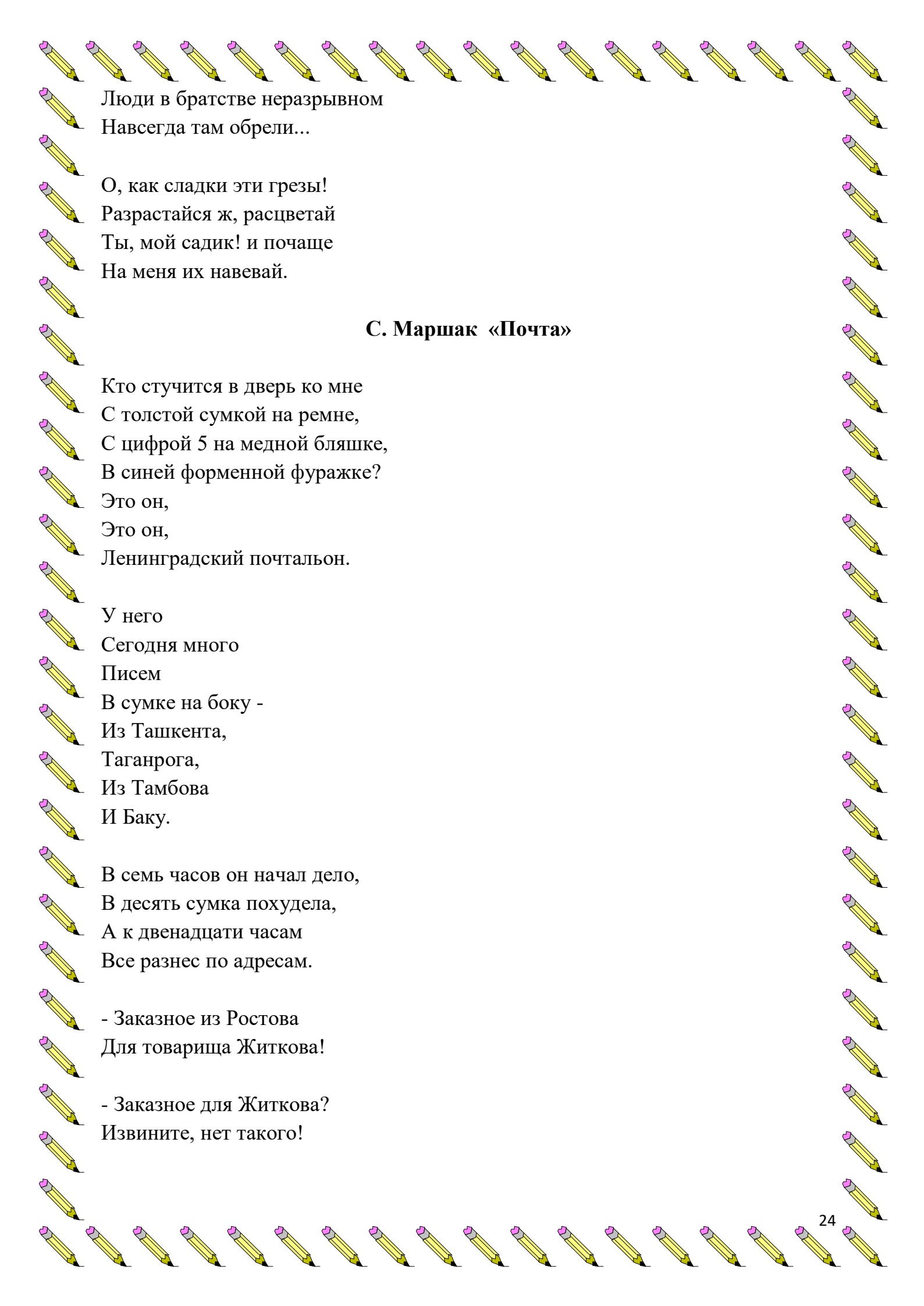
А когда на садик сыплет
Блеск лучей своих луна,
Я сажусь в раздумье тихом
У открытого окна.

Посребренных и дрожащих
Листьев я внимаю шум,
И, одна другой сменяясь,
Грезы мне волнуют ум.

И несут на крыльях легких
В мир иной меня оне...
Как сияет ярко солнце
В той неведомой стране!

Нет вражды под этим солнцем,
Нашей лжи вседневной нет;
Человека озаряет
Там любви и правды свет!

Всё, что истины пророки
Обещают нам вдали,

Люди в братстве неразрывном
Навсегда там обрели...

О, как сладки эти грезы!
Разрастайся ж, расцветай
Ты, мой садик! и почаще
На меня их навевай.

С. Маршак «Почта»

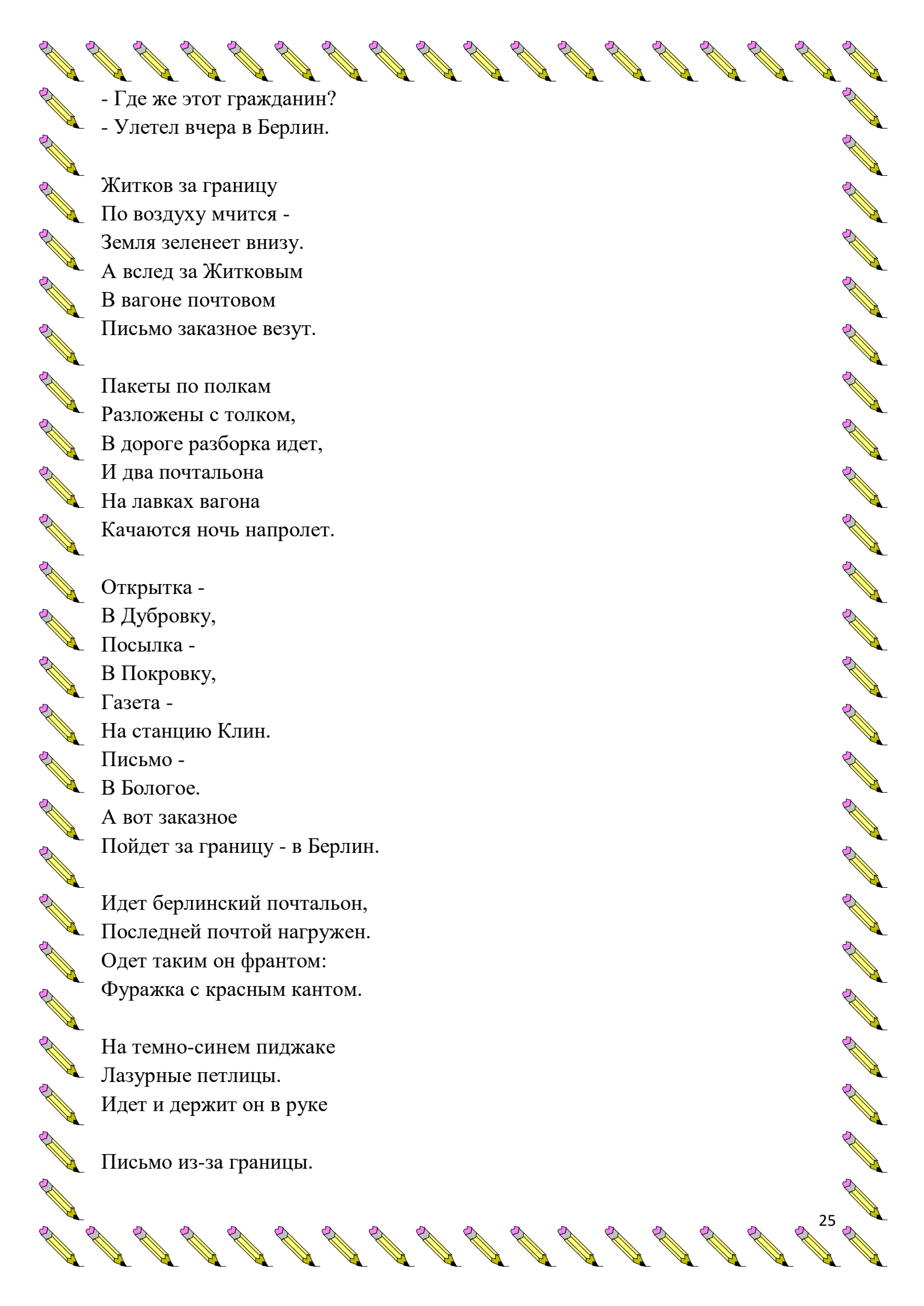
Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку -
Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,
А к двенадцати часам
Все разнес по адресам.

- Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!

- Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!

- Где же этот гражданин?

- Улетел вчера в Берлин.

Житков за границу

По воздуху мчится -

Земля зеленеет внизу.

А вслед за Житковым

В вагоне почтовом

Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам

Разложены с толком,

В дороге разборка идет,

И два почтальона

На лавках вагона

Качаются ночь напролет.

Открытка -

В Дубровку,

Посылка -

В Покровку,

Газета -

На станцию Клин.

Письмо -

В Бологое.

А вот заказное

Пойдет за границу - в Берлин.

Идет берлинский почтальон,

Последней почтой нагружен.

Одет таким он франтом:

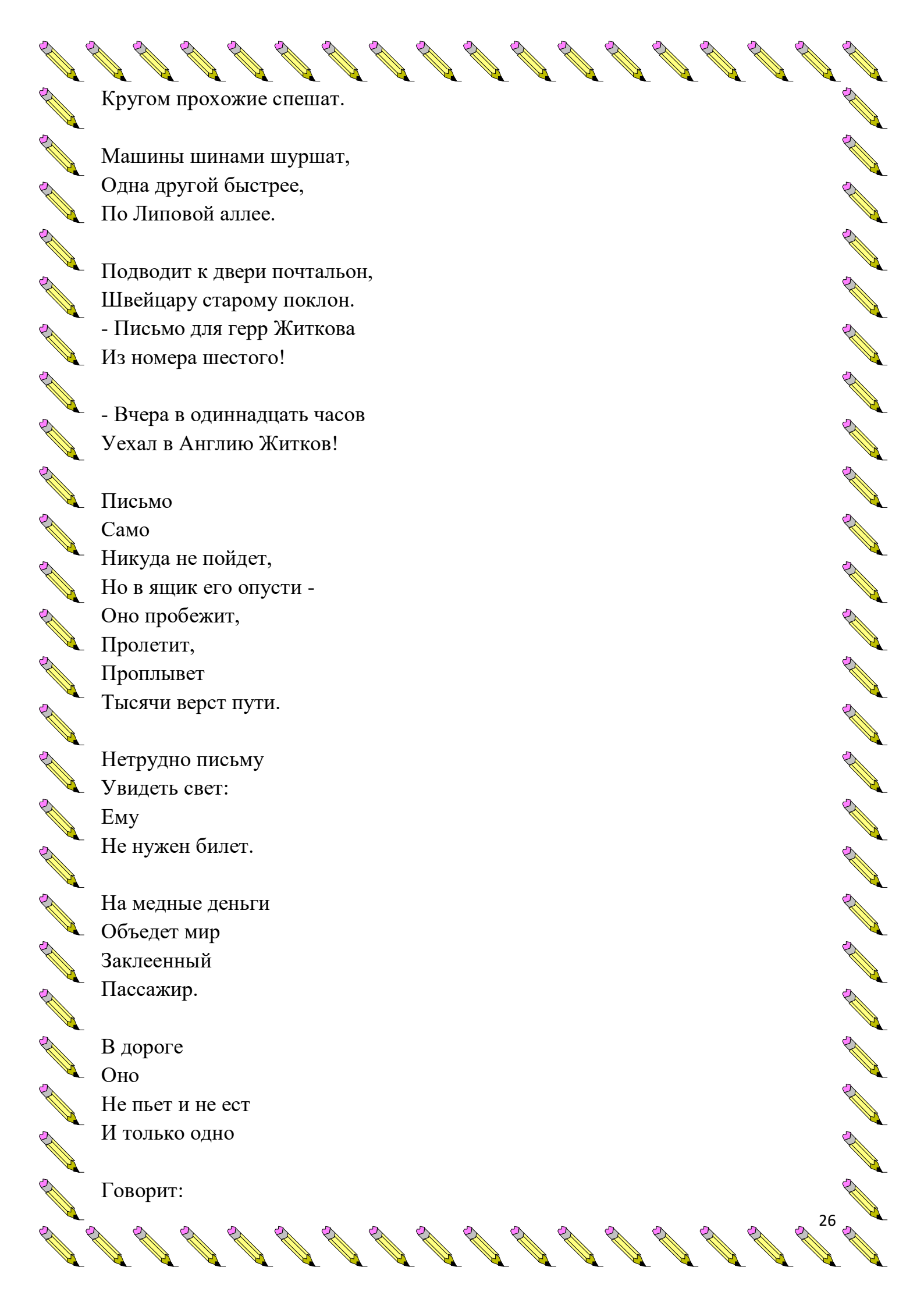
Фуражка с красным кантом.

На темно-синем пиджаке

Лазурные петлицы.

Идет и держит он в руке

Письмо из-за границы.

Кругом прохожие спешат.

Машины шинами шуршат,
Одна другой быстрее,
По Липовой аллее.

Подводит к двери почтальон,
Швейцару старому поклон.
- Письмо для герр Житкова
Из номера шестого!

- Вчера в одиннадцать часов
Уехал в Англию Житков!

Письмо
Само
Никуда не пойдет,
Но в ящик его опусти -
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывет
Тысячи верст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:
Ему
Не нужен билет.

На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге
Оно
Не пьет и не ест
И только одно

Говорит:

- Срочное.

Англия.

Лондон.

Вест,

14, Бобкин-стрит.

Бежит, подбрасывая груз,

За автобусом автобус.

Качаются на крыше

Плакаты и афиши.

Кондуктор с лесенки кричит:

- Конец маршрута! Бобкин-стрит!

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит

Шагает быстро мистер Смит

В почтовой синей кепке,

А сам он вроде щепки.

Идет в четырнадцатый дом,

Стучит всячим молотком

И говорит сурово:

- Для мистера Житкова.

Швейцар глядит из-под очков

На имя и фамилию

И говорит: - Борис Житков

Отправился в Бразилию!

Пароход

Отойдет

Через две минуты.

Чемоданами народ

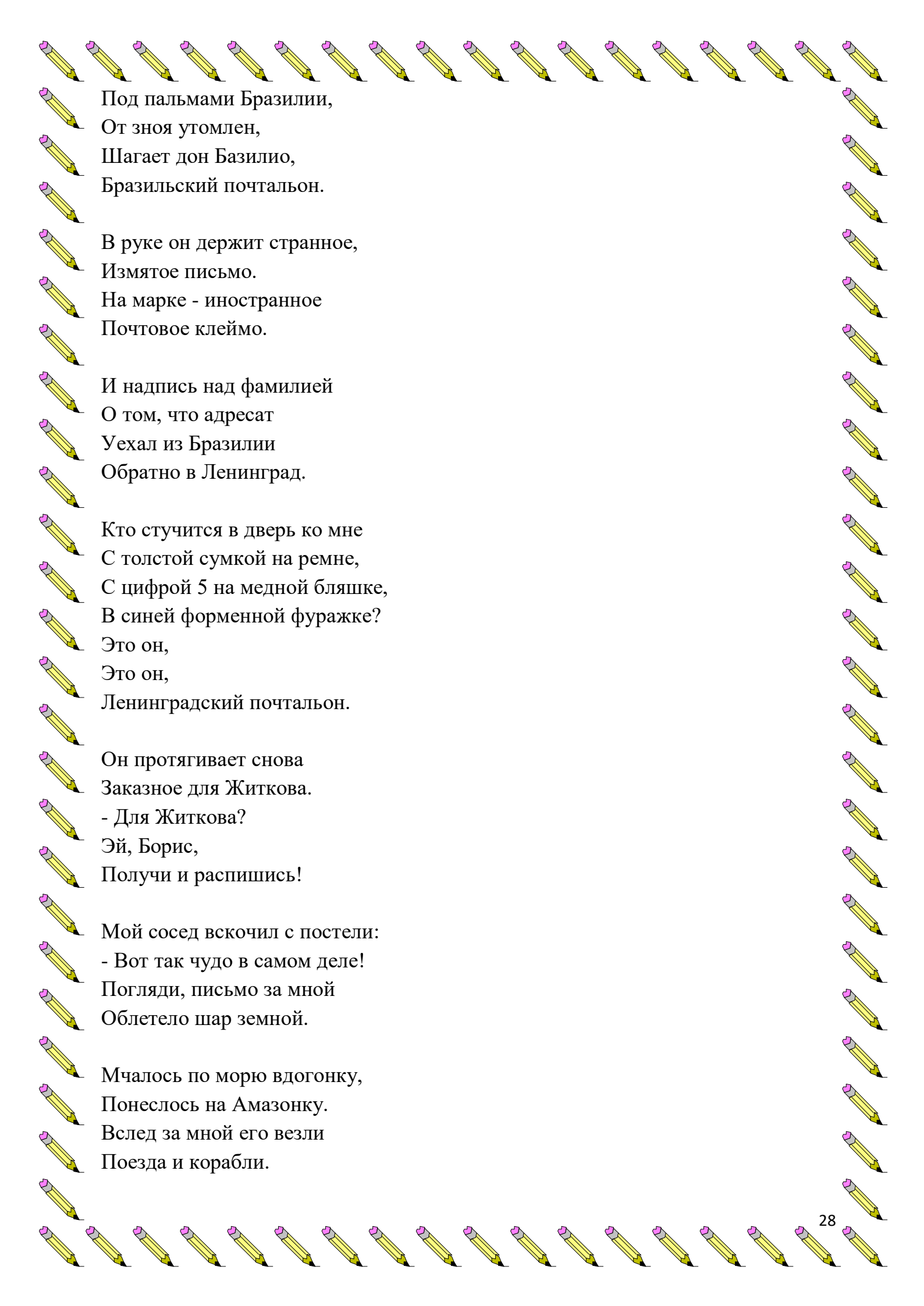
Занял все каюты.

Но в одну из кают

Чемоданов не несут.

Там поедет вот что:

Почтальон и почта.

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлен,
Шагает дон Базилио,
Бразильский почтальон.

В руке он держит странное,
Измятое письмо.
На марке - иностранное
Почтовое клеймо.

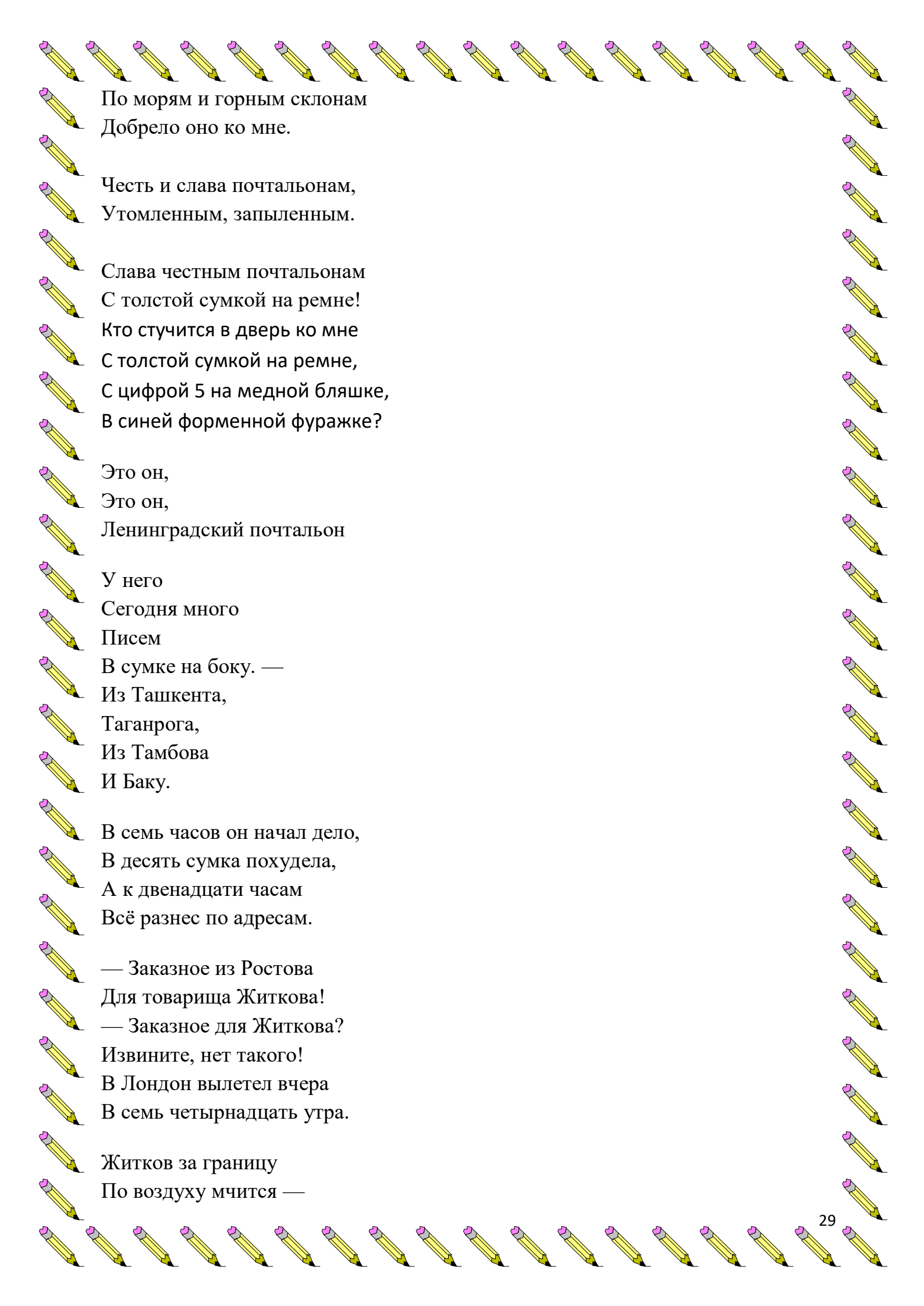
И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
- Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!

Мой сосед вскочил с постели:
- Вот так чудо в самом деле!
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной.

Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.

По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.

Честь и слава почтальонам,
Утомленным, запыленным.

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!
Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?

Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку. —
Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,
А к двенадцати часам
Всё разнес по адресам.

— Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!
— Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!
В Лондон вылетел вчера
В семь четырнадцать утра.

Житков за границу
По воздуху мчится —

Земля зеленеет внизу.

А вслед за Житковым

В вагоне почтовом

Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам

Разложены с толком,

В дороге разборка идет,

И два почтальона

На лавках вагона

Качаются ночь напролет.

Открытка —

В Дубровку,

Посылка —

В Покровку,

Газета —

В Ростов-на-Дону.

Письмо —

В Бологое.

А вот заказное

Поедет в чужую страну.

Письмо

Само

Никуда не пойдет.

Но в ящик его опусти

Оно пробежит,

Пролетит,

Проплывет

Тысячи верст пути.

Нетрудно письму

Увидеть свет:

Ему

Не нужен билет.

На медные деньги

Объедет мир

Заклеенный

Пассажир.

В дороге

Оно

Не пьет и не ест

И только одно

Говорит:

— Срочное.

Англия.

Лондон.

Вест,

14, Бобкин-стрит.

Бежит, подбрасывая груз,

За автобусом автобус.

Качаются на крыше

Плакаты и афиши.

Кондуктор с лесенки кричит:

— Конец маршрута. Бобкин-стрит!

По Бобкин-стрит,

по Бобкин-стрит

Шагает быстро мистер Смит

В почтовой синей кепке;

А сам он вроде щепки.

Идет в четырнадцатый дом,

Стучит всячим молотком

И говорит сурово:

— Для мистера Житкова.

Швейцар глядит из-под очков

На имя и фамилию

И говорит: — Борис Житков

Отправился в Бразилию

Пароход

Отойдет

Через две минуты.

Чемоданами народ

Занял все каюты.

Но в одну

Из кают чемоданов не несут.

Там поедет вот что:

Почтальон и почта.

Под пальмами Бразилии,

От зноя утомлен,

Бредет седой Базилио,

Бразильский почтальон.

В руке он держит странное,

Измятое письмо.

На марке — иностранное

Почтовое клеймо

И надпись над фамилией

О том, что адресат

Уехал из Бразилии

Обратно в Ленинград.

Кто стучится в дверь ко мне

С толстой сумкой на ремне,

С цифрой 5 на медной бляшке,

В синей форменной фуражке?

Это он,

Это он,

Ленинградский почтальон!

Он протягивает снова

Заказное для Житкова.

— Для Житкова?

Эй, Борис,

Получи и распишись!

Мой сосед вскочил с постели:

— Вот так чудо в самом деле.

Погляди, письмо за мной

Облетело шар земной,

Мчалось по морю вдогонку,

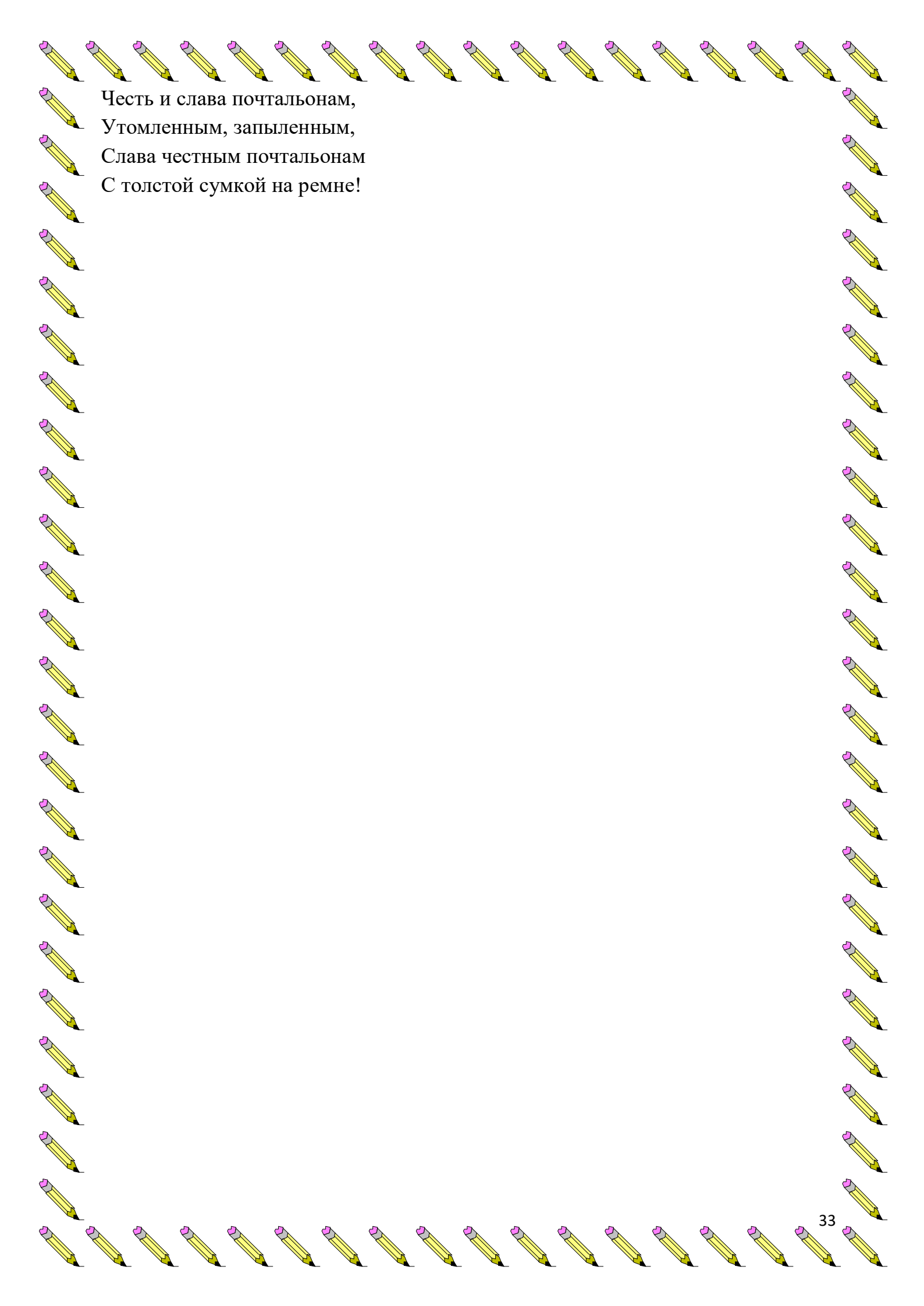
Понеслось на Амазонку.

Вслед за мной его везли

Поезда и корабли.

По морям и горным склонам

Добрело оно ко мне.

Честь и слава почтальонам,
Утомленным, запыленным,
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!